

В 1996 г. в Берлине в издательстве Edition Ost вышла книга Мартина Винклера «Между Москвой и Архангельском. Мое первое путешествие по Советскому Союзу в 1924 году» (*Winkler M. Zwischen Moskau und Archangelsk. Meine erste Reise in die Sowjetunion im Jahre 1924 / hg. u. engl. v. Gerd und Erika Voigt. Berlin: Edition Ost, 1996*). На титульной обложке — портрет автора 1931 г. кисти известного русского художника Игоря Грабаря.

Перевод с нем. яз. Ирины Лейнонен

П.Г. Назаров, А.А. Вихман

**Оскар Оскарович Гартох (1881–1942) —
отечественный микробиолог и иммунолог**

Оскар Генрих Гартох (**Oscar Heinrich Hartoch**, **русское имя и отчество** — Оскар Оскарович) родился в Санкт-Петербурге 25 декабря 1881 г. в семье фабриканта Оскара Юльевича Гартоха, протестантского вероисповедания¹, гражданина США, работавшего в Петербурге директором нефтеперегонных заводов «В. Ропс и Ко». Сын, Оскар Гартох, перешел в русское подданство в 1905 г. Мать, уроженка Вестфалии, занималась артистической деятельностью, скончалась в 1895 г. У О.О. Гартоха было две сестры. Старшая, Эльза (**Elsa Hartoch, 1879–1981**), **также родившаяся** в Петербурге, имела немецкое подданство, была педагогом и с 1920-х гг. работала в Женеве секретарем директора (Ecole Internationale de Genève) и основателя Международной школы Адольфа Ферье (**Adolphe Ferrière**), открывшего ее в 1924 г. под эгидой Лиги Наций². Гартох поддерживал переписку с Эльзой до конца жизни. Вторая сестра, Генриетта (Фрида, в замужестве Семенова, 1880–1972), окончила Цюрихский университет и с 1910 г. жила и работала педиатром в Цюрихе³.

В 1889–1892 гг. Оскар Гартох учился в школе Св. Катарини (**St. Katharinen-schule**), затем в гимназии Карла Мая (**Karl-May'sche Gymnasium**) в Петербурге, которую окончил в 1899 г. В том же году поступил в Боннский университет на медицинский факультет, который окончил в 1905 г. В течение летнего семестра 1903 г. учился в Бернском университете. После окончания Боннского университета защитил диссертацию на степень доктора медицины⁴. Для врачебной деятельности в России

необходимо было сдать государственный экзамен, что он сделал в Юрьевском университете в 1906 г. Вернувшись в Петербург, Гартох начал работать в Александровской больнице на Васильевском острове в качестве ординатора по терапии и экстерна по патологической анатомии⁵.

В 1907 г. он поступает в Императорский Институт экспериментальной медицины (ИИЭМ), являвшийся выдающимся научным центром биологических наук, включая медицину и ветеринарию, а также производственную базу по изготовлению биопрепаратов. Именно здесь на базе медицинского западно-европейского образования, происходит формирование микробиолога и иммунолога высокого уровня.

В ИИЭМ Гартох работает вместе с ведущими российскими учеными, практиками и организаторами науки, среди которых прежде всего следует назвать его непосредственного руководителя — Александра Александровича Владимирова (1862–1942). Как и многие микробиологи страны, Владимиров совершенствовал образование в ведущих медицинских школах Германии и Франции⁶. Руководя эпизоотологическим отделом ИИЭМ, он прославился работами по туберкулезу и сапу, изучению возбудителей этих заболеваний и иммунитета. Владимиров воспитывал своих учеников в духе беззаветного служения науке, трудолюбия, честности и патриотизма. Кроме Гартоха, его учениками были В.Н. Матвеев, В.Я. Якимов, Н.К. Коль-Якимова, и все они внесли весомый вклад в развитие российской науки.

Дальнейшая жизнь Оскара Гартоха связана с интенсивной работой в ИИЭМ и совершенствованием в Германии. Об этом свидетельствуют выполненные в этот период (до 1915 г.) работы, посвященные таким факторам иммунитета, как комплемент и опсонины при экспериментальных инфекциях, например трипаносомозе⁷.

Стажировка в Германии была насыщенной и плодотворной. Гартох быстро присоединился к работам, проводимым в лаборатории проф. Э. Фридбергера (**E. Friedberger**) в **Исследовательском институте гигиены и учения об иммунитете (Forschungsinstitut für Hygiene und Immunitäts Lehre, Berlin-Dahlem)**, директором которого был Фридбергер. Институт располагался на окраине Берлина, рядом с живописным лесным массивом Грюневальдом. В этой лаборатории работал другой стажер из России, выпускник Императорской Военно-медицинской академии в Петербурге — Семен Семенович Гирголав, занимавшийся эмбриологией и культурой тканей⁸. На основе работы в лаборатории были выпущены многочисленные серьезные работы с участием стажеров. Можно отметить совместный детальный обзор Фридбергера и Гартоха по комплементу⁹. Ряд оригинальных работ был выполнен по интенсивно раз-

виваемой в то время проблеме реакций повышенной чувствительности организма (анафилаксии) в связи с применением профилактических и лечебных иммунных сывороток. В лаборатории использовались различные методы исследования на уровне реагирования как целого организма, так и изолированных органов и тканей, например сердца. Несомненно, для Гартоха, молодого исследователя, видеть свое имя рядом с именем известного ученого¹⁰ было лестно, хотя впоследствии в Советской стране этот факт станет роковым.

Прекрасную школу проходит Гартох до 1915 г. на кафедре гигиены и бактериологии Бернского университета у Вильгельма Колле (**W. Kolle**), который одновременно был директором Института по изучению инфекционных болезней¹¹. Круг интересов Колле был чрезвычайно широк: естественный иммунитет, специфический иммунитет, вакцины. Колле вошел в энциклопедии как первый создатель вакцин против холеры и брюшного тифа. Большое значение для врачей и студентов имело издание в 1906 г. под редакцией Колле и Хетча фундаментального, прекрасно иллюстрированного руководства по экспериментальной бактериологии и инфекционным болезням, вышедшее позже и в русском переводе¹².

В этот период публикуемые О. Гартохом работы выходят как из Бернского университета, так и из ИИЭМ¹³. Накануне Первой мировой войны Гартох уже известный специалист, о чем свидетельствуют статьи и доклады по таким актуальным вопросам медицины, как повышенная чувствительность к веществам микробной природы и сывороткам, характеристика новых возбудителей — вирусов¹⁴. Он ведет и общественно-просветительскую работу как член Просветительского отделения Петербургского общества борьбы с «бугорчаткою» (туберкулезом), выступая с лекциями по этой актуальной проблеме¹⁵.

Война застает О.О. Гартоха в Берне, он ассистент на кафедре В. Колле. Начинается новый, непростой жизненный этап, связанный с крушением привычной творческой обстановки и быта. Гартоха призывают в российскую армию, он возвращается в Россию и служит, что подтверждает «Российский медицинский список» за 1915 и 1916 гг., в котором указано: «Гартохъ Оскар-Генрих Л 906 Поч. чл. сов. дет. пр. СПб». Это означает, что военный служащий из Санкт-Петербурга является врачом с 1906 г. и по общественной линии Почетным членом детских приютов. Видимо, других, более подробных сведений у издателей не было. В автобиографии Гартох указывает, что с 1915 г. до Октябрьской революции он находился в подразделениях военно-санитарной службы, сначала в качестве врача для поручений при начальнике санитарной части Северного фронта, а затем врачом военно-санитарного отряда Петроградского

железнодорожного узла. В этот период начальником отряда был проф. А.А. Владимиров, который привлекал в отряд известных ему специалистов. Основным местом пребывания Гартоха в годы войны было Красное Село, о чем говорит надпись на оттиске работы доктора Ар. Штернберга, подаренном Гартоху: «Многоуважаемому О.О. Гартоху на добрую память о черных днях в Красном Селе в лето 1915, от Ар. Штернберг»¹⁶.

Железные дороги были важнейшим звеном контроля санитарно-эпидемического состояния войск и населения на путях передвижения войск, перевозки раненых и больных, демобилизованных, миграции населения и как следствие служили путем распространения эпидемий. Этой проблеме уделялось большое внимание как в узловых пунктах, так и в пути следования. Красное Село было важным тыловым центром обеспечения войск, в том числе санитарно-противоэпидемического благополучия¹⁷. Проблема борьбы с эпидемиями инфекций (брюшного и сыпного тифов, холеры, кишечных инфекций в целом) стала исключительно актуальной для боеспособности войск и сохранения населения, требовала создания новой санитарной системы, огромных усилий на всех уровнях санитарной службы¹⁸. Центральное место в Красном Селе занимал военный госпиталь, в котором в 1910 г. появились дополнительные постройки: дезинфекционная камера, бактериологическая лаборатория и химический кабинет. В настоящее время сохранилось здание госпиталя и началась его реконструкция, рядом находится флигель, назначение которого неясно (рис. 1).

Особенностью военной медицинской службы Красного Села являлась тесная связь с Военно-медицинской академией и ИИЭМ. Здесь работал хирургический отряд кафедры С.С. Гирголова. Из ИИЭМ поступала противостолбнячная сыворотка.

Госпитальная база Красного Села занималась обследованием воинского контингента, его санитарной обработкой, диагностическими исследованиями, лечением и реабилитацией больных и раненых. Для санитарных целей медицинская служба тыловых подразделений была оснащена дезинфекционными камерами разных типов.

По списку научных работ Гартоха, приложенному к личному делу, в этот период им были выполнены две работы: по дезинсекции и желудочно-кишечным заболеваниям, одна — совместно с Ар.Я. Штернбергом¹⁹. Продолжают издаваться за границей работы по дифтерийному токсину, азиатской холере и другим вопросам.

Так, Гартох-практик дополнял профессиональный багаж Гартоха-ученого, и это было в стиле его российских и немецких учителей. Большое внимание в ИИЭМ уделяли специфической профилактике опасных

Рис. 1. Военный госпиталь в Красном Селе. Современный вид.
Фото А.А. Вихмана

инфекций (сапу, холере, чуме), в Германии — вакцинации против брюшного тифа, применению антитоксической сыворотки при дифтерии. Принцип сочетания теоретических исследований с внедрением научных достижений микробиологии и иммунологии в практику Гартох сохранил в дальнейшем и передал своим ученикам.

O. Gartho

Рис. 2. Оскар Гартох в Петрограде. 1919 г.
(фрагмент).
Подпись Гартоха

После Октябрьской революции О.О. Гартох в течение года остается в той же воинской части, которая превращается в военный санитарно-дезинфекционный отряд Петроградского военного округа, затем демобилизуется и возвращается Институт экспериментальной медицины (ИЭМ) (рис. 2). Вероятно, его обязанности в ИЭМ остались прежними, хотя обстановка в стране быстро меняется, и Россия вступает в очередной сложнейший период²⁰. Начинается Гражданская война.

В 1919 г. О.О. Гартох вступает в брак с Мэри Пульман (Мэри Вильямовной, или, как многие ее звали, Марией Васильевной²¹),

1881 г.р., дочерью английского промышленника, владевшего в Петербурге заводом. Более детальными сведениями о ней мы не располагаем. Жена умерла в 1933 г. и похоронена вместе с родителями Гартоха на Смоленском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге.

В 1920 г. О. Гартоха вновь призывают на военную службу и назначают в Военно-медицинскую академию. Начинается новый этап его деятельности, связанный с педагогическим процессом в высшем военно-медицинском учебном заведении страны. В академии происходят сложные, нередко противоположные по направленности процессы перестройки ее деятельности на фоне послевоенного и послереволюционного потрясений. Учиться пришла новая рабоче-крестьянская молодежь, со своим уровнем образованности, своими взглядами и навыками. В 1921 г. был назначен политический руководитель (комиссар) академии, контролировавший все решения руководства²². Профессорско-преподавательский состав, как и вся интеллигенция, по-разному относился к происходящим переменам в России. В.И. Ленин на Втором съезде Советов в марте 1918 г. говорил: «Конечно, есть еще и такие врачи, которые относятся с предубеждением и недоверием к рабочей власти и предпочитают получать гонорар с богатых, чем идти на тяжелую борьбу с сыпным тифом, но таких меньшинство, таких становится все меньше, а большинство таких, которые видят, что народ борется за свое существование, видят, что он хочет решить своей борьбой основной вопрос спасения всякой культуры, и эти врачи вкладывают в это тяжелое и трудное дело не меньше самопожертвования, чем всякий военный специалист...»²³.

Ленин считал, что «...война, которая ведется во имя защиты общества от эксплуататоров, война, которая налагает больше всего жертв на рабочих и крестьян, но не останавливается ни перед чем, чтобы возложить эти жертвы и на другие классы». Судя по деятельности Гартоха в послереволюционный период, он оказался вполне лоялен по отношению к новой власти, хотя имел прекрасную возможность устроить свою жизнь за границей.

В Военно-медицинской академии была создана первая в России кафедра инфекционных болезней, которая тогда называлась «кафедра общего учения о заразных болезнях с практическим и систематическим курсом бактериологии», куда О.О. Гартох был привлечен в 1920 г. как специалист, имевший опыт микробиологической работы, военной службы и преподавания²⁴. Кафедра находилась на Нижегородской ул. (ныне — ул. Лебедева, д. 4), на третьем этаже бывшей Военно-фельдшерской школы, и занимала 12 комнат. Здание сохранилось, в настоящее время в нем размещаются кафедры с клиниками инфекционных и кожных бо-

Рис. 3. Здание одного из павильонов клиники кафедры
общего учения о заразных болезнях

лезней²⁵. С 1897 г. кафедра располагала инфекционной клиникой из 4-х отделений и вспомогательными службами на Нижегородской улице между Анатомическим корпусом и тюрьмой Кресты, но эти здания не сохранились (рис. 3). В клинике читались лекции и проводились лабораторные занятия, в том числе по бактериологии, выполнялись лабораторные диагностические исследования. Отдельно находились домик для лабораторных животных и дезинфекционное отделение. Руководил кафедрой Семен Иванович Златогоров, выдающийся специалист в области инфекционной патологии, организации противоэпидемических (сыпной тиф, холера) мероприятий в войсках и для мирного населения, талантливый педагог, трагически окончивший свою жизнь как жертва репрессий²⁶.

В штат кафедры входили старшие ассистенты О.О. Гартох и Б.С. Никитин, младшие ассистенты И.-А.И. Андресен, С.В. Висковский и А.В. Лавринович. Учебный процесс имел некоторые особенности: необходимо было учитывать невысокий уровень общего образования, эмоциональную напряженность, тяжелейшие бытовые условия и низкую материальную обеспеченность учебного процесса, которая значительно влияет на работу с микроорганизмами, требующую особых условий. Кроме слушателей обучение на различных курсах проходили врачи и медицинский персонал. Количество слушателей, окончивших академию, было невелико: в 1921 г. — 59 чел., в 1922 г. — 49 чел.²⁷ В автобиографии Гартох указывает, что ему было поручено в

1923–1924 гг. читать курс микробиологии наряду с профессором Златогоровым. Педагогическая деятельность сочеталась с противоэпидемической работой в воинских частях и среди населения, работой в госпиталях и больницах. Клиника кафедры с 1923 по 1928 гг. оказала помощь 7 000 больных²⁸. Помогал врачам студент последнего курса В.М. Берман, в дальнейшем известный советский микробиолог и эпидемиолог. Одновременно Гартох заведовал лабораторией в Василеостровской больнице по лечению туберкулезных больных, которая позже стала сыпнотифозным стационаром.

Несмотря на экстремальные условия, на кафедре велась научная работа, в частности, в списке работ Гартоха за 1922–1924 гг. приводятся 4 работы по иммунитету и бактериологии.

Несмотря на трудности на работе и в быту, Гартох продолжает публиковать в России и за рубежом обзорные и экспериментальные работы, участвует в VII и VIII съездах бактериологов²⁹. В Военно-медицинской академии в 1923 г. происходят важные реорганизационные процессы. Из кафедры выделяется отдельное направление — микробиология и эпидемиология — в самостоятельную кафедру, возглавляемую Д.К. Заболотным, а кафедрой заразных болезней в связи с уходом в 1924 г. С.И. Златогорова стал руководить Н.К. Розенберг, что по времени совпадает с демобилизацией Гартоха и уходом из академии в июне этого года.

Таким образом, военная служба О.О. Гартоха продолжалась с 1915 по 1924 гг. и была связана с санитарно-эпидемиологической и бактериологической работой. Его деятельность совпала со становлением военной эпидемиологии и микробиологии нового Советского государства, накоплением опыта в бактериологических исследованиях в условиях военного времени и включением курса бактериологии в учебный план военно-медицинского образования. В дальнейшем Гартох сохранял связь с военной медициной, о чем свидетельствуют, в частности, благодарственные слова авторов учебника «Курс частной эпидемиологии» (1936) В.М. Бермана, А.М. Левитова и И.И. Рогозина: «Самую глубокую признательность глубокоуважаемому Оскару Оскаровичу Гартоху за те существенные указания, которые он сделал по настоящей книге». Во введении и главах учебника присутствуют многочисленные ссылки на работы Гартоха, его сотрудников и соавторов, потому что военные эпидемиология и микробиология тесно связаны с общими основами этих дисциплин и достижениями здравоохранения.

Во время нахождения в Вооруженных силах О.О. Гартох оказался на переднем крае борьбы за выживаемость страны в условиях губительных эпидемий, но и эта деятельность по совершенствованию военной сани-

тарно-эпидемиологической службы государства не спасла его позже от преследований власти и гибели.

Все данные о Гартохе, имеющиеся у нас, свидетельствуют о том, что основным местом его работы был Институт экспериментальной медицины. Однако в разное время Гартох совмещал деятельность в ИЭМ с работой в других учреждениях Ленинграда.

С 1924 г., после демобилизации, он становится ассистентом А.А. Владимирова в отделе сравнительной патологии заразных болезней. В 1930 г. Гартох принимает заведование этим отделом и вскоре преобразует его в отдел медицинской микробиологии. В этот период отдел проводит широкие исследования по физиологии патогенных микроорганизмов; экспериментальному изучению инфекционных процессов; применению количественного микробиологического анализа; иммунологии и эпидемиологии кишечных инфекций. Гартох организовал большую работу по обучению и руководству научными исследованиями молодых научных работников, из числа которых в дальнейшем вышли видные деятели микробиологической науки. Сотрудники отдела участвуют в конференциях, Гартох выступает с программными докладами на съездах микробиологов, терапевтов, хирургов, руководит работой службы санэпиднадзора в Ленинграде. С 1935 г. Гартох входил в состав комиссии ИЭМ по присуждению ученых степеней, которыми были удостоены многие его ученики: В.И. Иоффе, В.М. Берман, Е.Т. Васильева, М.А. Зеликина, М.И. Каневская, К.П. Муратова, С.С. Казарновская, П.И. Беневоленский, М.А. Линникова, В.А. Штритер и многие другие. За период с 1924 по 1935 гг. учениками О.О. Гартоха были опубликованы 124 работы, без учета публикаций самого Гартоха. В 1940 г. в ИЭМ создается новый отдел — отдел детских капельных инфекций под руководством ученика Гартоха В.И. Иоффе. Крупными обобщениями были работы О.О. Гартоха по бациллярной дизентерии, брюшному тифу и паратифам, прививочной профилактике, опубликованные в серии отчетов ВИЭМ за 1933–1937, 1938–1939 гг.³⁰

Помимо научно-исследовательской деятельности в ИЭМ О. Гартох вел большую работу по организации микробиологической работы в различных учреждениях Ленинграда. В течение четырех лет (1924–1928) заведовал бактериологической лабораторией в больнице им. Эрисмана. В 1928 г. организовал кафедру микробиологии в Ленинградском педиатрическом медицинском институте (тогда — Научно-исследовательском институте охраны материнства и детства). С 1928 по 1931 гг. заведовал отделом бактериологии в Научно-исследовательском институте эпидемиологии и микробиологии им. Пастера и был заместителем директора

института по научной работе³¹. В течение многих лет был председателем и членом правления микробиологического общества, членом ученого совета Ленгорздравотдела, членом эпидсовещания при Горздравотделе, членом ученого совета Наркомздрава, работал лектором по вопросам санитарии и эпидемиологии при Доме санкультуры.

Несмотря на эту широкую научную, педагогическую и общественно-научную работу, Гартох подвергался неоднократным арестам.

Первый раз его арестовали 13 августа 1930 г., но через два с лишним месяца (27 октября 1930 г.) освободили³². В период отсутствия на его место в ИЭМ и Институте вакцин и сывороток назначался профессор А.В. Пономарев.

Второй раз Гартох был арестован 2 августа 1937 г.³³ При аресте присутствовала сестра Эльза, она дала телеграмму Р. Роллану, и Роллан начал кампанию в защиту Гартоха. В дневнике В.И. Вернадского за 1939 г. есть запись: «Упорно говорят о личных письмах Ромена Роллана Сталину»³⁴.

Ромен Роллан знал Гартоха лично, знал он и о политических репрессиях в СССР. Гартох бывал у Роллана в Швейцарии³⁵. В 1936 г. Роллан приезжал в СССР. К нему на подмосковную дачу, как пишет Б. Носик, «швейцарская подруга *Хартош (Elsa Hartoch. — П.Н., А.В.)* привезла <...> брата-ученого, которого временно выпустили. <...> Роллан записывает после свидания, что у этого брата здоровый вид, что он хорошо выглядит, лучше, чем сам Роллан...». Роллан просил вождя сохранить жизнь микробиологу О.О. Гартоху. Вот выдержки из письма Р. Роллана Сталину от 16 сентября 1937 г.³⁶:

«Дорогой товарищ Сталин.

<...> Я пишу Вам по поводу одного друга, которого я уважаю и люблю: это доктор Оскар Гартох, из Института Экспериментальной Медицины в Ленинграде. Он был арестован, в начале августа, по обвинению, как мне говорят, в “агитации и пропаганде”. Ничто не более противно его характеру. Он человек, поглощенный единственно своими работами и научными делами (очень важными, главным образом в области эпидемиологии); он всегда жил вдалеке от всякой политической агитации; он скромн, робок, болезнен; и это одиночество его еще усилилось со смертью его жены, три или четыре года тому назад. Он жил уединенно, с сестрой немецкой национальности, приехавшей из Швейцарии, чтобы заботиться о его здоровье»³⁷. Я знаю сестру и брата вот уже двадцать лет; я питаю к ним братскую привязанность; я гарантирую абсолютное бескорыстие и лояльность д-ра Оскара Гартоха.

Вот яркая черта этого бескорыстия:

Лет двенадцать тому назад, когда положение в СССР было еще чрезвычайно трудным, доктор Гартох, который получил разрешение поехать на несколько недель в Германию и Швейцарию, получил из Германии предложение очень почетного и очень выгодного научного поста³⁸. Он от него отказался, чтобы вернуться в СССР и остаться на своем посту. Я был свидетелем и предложения, и отказа³⁹.

Уже лет восемь тому назад он был арестован⁴⁸ вместе со многими другими врачами, по одному делу бактериологов. Но его невинность была быстро установлена, и он был отпущен на свободу. Я не сомневаюсь, что в данном случае будет то же. Но должен опасаться, что уже очень шаткое здоровье доктора Гартоха может сильно пострадать от долгого заключения, — не говоря о многих медицинских делах, которыми он управляет и которые рискуют дезорганизоваться в его отсутствие.

Позвольте мне, дорогой товарищ Сталин, просить Вас сказать свое слово, чтобы следствие о докторе Гартохе было ускорено и чтобы он смог, как я в этом уверен, доказать бессмысленность обвинений против него.

Верьте, прошу Вас, моей дружеской верности.

Ромен Роллан»

Подробности участия Р. Роллана в освобождении Гартоха есть в книге Д. Фишера «Ромен Роллан и политика использования интеллектуалов»⁴¹, основанной на анализе переписки Р. Роллана. Узнав об аресте Оскара Гартоха, Роллан понял, что размеры чисток превзошли все пределы. Все его письма с запросами остались без ответа. Официального ответа не было, как он думал, из-за смерти М. Горького. Через М. Тореза Роллан писал Г. Димитрову (29.12.1937), чтобы узнать подробности о деле Гартоха. Он напомнил лидеру Болгарской компартии, что помогал его освобождению, когда Димитров был арестован в нацистской Германии. По законам дружбы Димитров должен был отплатить тем же. Роллан был поражен тем, что «политически невинному» человеку можно было предъявить «серьезные обвинения в каких-то действиях против режима». Гартох, допуская, вероятно, был «скомпрометирован подозрительными связями или пострадал из-за беспечности или незнания». Роллан выяснял подробности о Гартохе, хотя о многом знал от сестры Гартоха, которая была его личным другом. Не оспаривая справедливости советской судебной системы, он в письме Димитрову (29.12.1937) советовал советскому руководству быть более милостивым к родственникам своих жертв, «смягчить суровость и проявить немного жалости к невинным (друзьям и родителям), которые страдают из-за содержания обвиняемых под стражей».

Торезу он жаловался (10.02.1938) на то, что отсутствие диалога и недостаток уважения и гуманизма ранят его болезненно. Советское равнодушие, однако, не ослабило его «глубокой преданности великому делу, которому мы служим. Это превыше всего личного».

В начале марта 1938 г. немецкий писатель Герман Гессе попросил Роллана написать Сталину и заступиться за двух невиновных, преследуемых в Советском Союзе, — писателя Карла Шумукле и экономистки Вали Адлер, дочери Альфреда Адлера (3.03.1938). Роллан ответил, что не может добиться освобождения даже своих собственных друзей в России. Ссылаясь на О. Гартоха, упомянул, что дважды писал Сталину и другим видным советским лидерам, а результат: «ни слова в ответ». Со времени начала чисток два года назад ходатайства Роллана об арестованных или пропавших без вести людях встречались молчанием. Он признавал, что его влияние стало ничтожным после смерти Горького: «“Философы” больше не нужны власти» (март 1938 г.)⁴².

Гартох был освобожден 20 мая 1938 г., проведя в заключении около 10 месяцев⁴³. Одно из дел, по которому он проходил в 1937 г., было дело № 51305 по ст. 58–8, 58–9, 58–11 УК РСФСР в отношении директора Азово-Черноморского института микробиологии и эпидемиологии А.А. Миллера, обвинявшегося в том, что он якобы являлся активным участником правотроцкистской террористической диверсионной организации в Ростовской области и с 1929 г. по 1934 г. занимался шпионажем, собирая и передавая агентам германской разведки О.О. Гартоху и М.И. Штуцеру секретные сведения о новейших научных работах; по заданию этой организации якобы проводилась вредительская работа в области здравоохранения, готовились диверсионные акты путем заражения населения чумой, массового отравления питьевой воды и пищевых продуктов. А.А. Миллер был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу⁴⁴.

Не остались в стороне и коллеги-микробиологи. В 1938 г., за месяц до освобождения Гартоха из-под следствия, Ленинградское общество микробиологов, заместителем председателя которого О.О. Гартох являлся, исключает его из своих рядов, обвинив в германофильстве и низкопоклонстве перед буржуазной наукой. Как одну из вредных особенностей научного мышления Гартоха общество отмечало якобы свойственную ему переоценку теоретических предпосылок и результатов экспериментальных исследований на животных и бездумный перенос их в практику эпидемиологической и клинической работы. Внимание общества привлекла также статья Гартоха в *Therapeutische Monatshefte* времен Первой мировой войны. В ней он, излагая общеизвестные ме-

роприятия по борьбе с холерой в условиях военного времени, подчеркивал неблагоприятие России в отношении холеры и обращал внимание на возможность заноса холеры в Германию из России. На русском языке эта работа не была опубликована и, по мнению общества, являлась плодом гермаофильских настроений автора.

О.О. Гартох составил пространный ответ правлению общества, в котором пункт за пунктом отклонял обвинения в ответ на резолюцию 280-го заседания Ленинградского микробиологического общества по докладу комиссии от 14 мая 1938 г. о результатах изучения его научных работ и педагогической деятельности⁴⁵. Вот некоторые его пояснения, датированные 22.03.1939 г.:

«По пункту 1. — Пр[офессор] Гартох является учеником немецких микробиологов (Колле, Фридбергер, Пригге и др.). В его работах нашли отражение основные направления и принципы германской микробиологической школы.

— Считаю меня учеником немецких микробиологов — Колле, Фридбергера, Пригге и др., Комиссия упустила из виду, что мое ученичество в области микробиологии началось и складывалось в течение приблизительно двадцати лет в Отделе Института Экспериментальной Медицины, состоявшем в заведовании проф. А.А. Владимирова. Поступил я в Отдел вскоре после сдачи государственного экзамена в 1907 г. и состою в том же, хотя и преобразованном, отделе на службе по настоящее время, т.е. в течение свыше 30 лет. Громадное большинство исследований, в том числе основные мои работы и моих сотрудников, определяющие физиономию научного работника, вышли из означенного Отдела.

В противоположность этому приходится указать на то, что в лаборатории проф. Фридбергера я работал всего 4^{1/2} месяца — два месяца во время моей заграничной командировки в 1909 г. и 2^{1/2} месяца во время аналогичной командировки в 1911 г. Поводом считать меня учеником Фридбергера послужили, по-видимому, для Комиссии, 4 совместные с ним научные работы, проведенные в означенной лаборатории.

Считал бы уместным обратить к тому же внимание Правления на то обстоятельство, что Фридбергер, находившийся в длительной оппозиции основному направлению германской микробиологии и эпидемиологии, вряд ли может считаться ее официальным представителем.

Считаю проф. Пригге моим учителем, Комиссия либо была введена в заблуждение, либо упустила из виду, что мой научный контакт с Пригге относится к середине 20-х годов. Он к тому времени в качестве молодого ассистента только что начинал свою научную карьеру микробиолога, тогда как я уже имел более чем 17-летний микробиологический стаж.

По-видимому, и в данном случае поводом к ошибочному предположению Комиссии послужила моя совместная с Пригге работа, вышедшая из Франкфуртского Института.

Значительно более обоснованным должно было казаться Комиссии причисление меня к ученикам проф. Колле, поскольку моя работа в Институтах, которыми он руководил (сперва кафедра Гигиены и Бактериологии в Берне, а затем Эрлиховский Ин-т во Франкфурте), носили более продолжительный и повторный характер.

Достаточно, однако, учесть, что почти все научные работы, проведенные в период моего научного формирования (довоенный период) под его руководством, относятся к проблеме химиотерапии, т.е. к проблеме, к которой я в своей самостоятельной научной работе никогда не возвращался и которая лежит совершенно в стороне от всего дальнейшего направления моей научной деятельности, чтобы и в роли проф. Колле, как моего учителя, усомниться. Правда, знакомство с областью химиотерапии и с соответствующей методикой, прошедшее под его руководством, меня в значительной степени обогатило, — но никоим образом не наложило печати на мою дальнейшую самостоятельно развивавшуюся научную деятельность. Ввиду того, что я вкладываю в понятие об учителе в науке вполне конкретное содержание, характеризующееся как продолжением научного направления, так и наложением существенного для дальнейшего развития специфического отпечатка на ученике, я лично никогда не считал и не считаю себя учеником перечисленных немецких микробиологов.

Что касается утверждения, что в моих работах “нашли отражение основные направления германской микробиологической школы”, то это утверждение настолько обще, что представляется затруднительным дать по этой фразе нужные пояснения.

Ввиду того, однако, что в данном случае речь, по-видимому, может идти лишь о таких направлениях в науке, которые не соответствуют взглядам на роль науки у нас в Союзе, то освещению, в первую очередь, подлежат те стороны научной работы, которые отличают советскую науку от науки буржуазных стран.

Под этим углом зрения вопрос о национальном признаке отступает на задний план перед признаком социальной направленности соответствующей научной работы.

Кладя в основу оценки науки и научного творчества мерило, которым должна измеряться передовая наука в Советском Союзе, я очень далек от утверждения, что вся моя научная деятельность, в частности первый ее период, полностью отвечают высоким требованиям, которым

должны удовлетворять как научная продукция, так и сам научный работник у нас в Союзе.

Наряду с признанием недостаточного понимания и недостаточной оценки социальной сущности научного творчества в прошлом, я должен указать на серьезнейшие сдвиги, происшедшие в соответствующем моем понимании за последние 12–14 лет, и на мои серьезные стремления связать как свою теоретическую работу, так и научную работу моих сотрудников с запросами клинической и эпидемиологической практики.

Уже в 1924 году я переключил свою научно-исследовательскую деятельность на новые пути, стремясь увязать мою микробиологическую работу с запросами клинической медицины. Прилагаемый при сем отчет о 5-летней работе (1924–1929) на этом поприще дает возможность Правлению учесть, насколько я в этом устремлении успел.

С 1929 года, обогащенный клинико-бактериологическим опытом, я включился в широкую эпидемиологическую работу, возглавляя сперва бактериологический отдел Института им. Пастера, а затем и [осуществляя] научное руководство Института в целом. И в этой работе я считал основной задачей переключение теоретической микробиологии на службу профилактической медицине и, в частности, противоэпидемической практике.

Период этот (1929–31, 1933–37), обогативший меня знаниями в области теоретической и практической эпидемиологии, отразился на научной продукции (как моей личной, так и сотрудников, работавших под моим руководством). Значимость этой продукции для советского здравоохранения может быть учтена с наибольшей отчетливостью по ее отражению в практике здравоохранения. <...> Уже с начала 20-х годов теоретический уклон моей научно-исследовательской работы <...> уступает место новому направлению, основывающемуся на изучении клинико-бактериологических и эпидемиолого-бактериологических проблем в соответствии с запросами клинической и профилактической медицины.

Такая направленность работы, соответствующая требованиям, предъявляемым к советской науке, никоим образом не может быть приравнена к принципам буржуазной, в том числе и германской микробиологической школы, которые мне инкриминируются.

<...> Путь открытого критического просмотра научной продукции перед ее непосредственным выходом в практику, свойственный именно советской науке, никоим образом не может быть отождествлен с инкриминируемыми мне направлениями и принципами буржуазной, в том числе и германской, микробиологической школы.

<...> Оспаривая выдвинутый немецкими микробиологами тезис о сугубой эпидемиологической значимости тифозного больного в период его инкубации, тезис, приобретший характер догмата, повторяемый в статьях и вошедший в наши учебники, я осуществляю критику, не взирая на традиции и имена, не в соответствии с принципами науки буржуазной, а в соответствии с требованиями советской науки.

<...> Ошибочно приписываемые мне установки и принципы германской школы никак не могут быть аргументированы. Наоборот, на деле выявилось иное поведение, т.е. поведение, которое свойственно именно советской науке и советскому микробиологу».

К 1940 — началу 1941 г. положение О.О. Гартоха в Институте экспериментальной медицины укрепилось. Он заведовал крупным отделом медицинской микробиологии, пользовался авторитетом одного из ведущих микробиологов страны, руководил работой аспирантов и докторантов, консультировал микробиологическую лабораторию в новом филиале ВИЭМ в Сухуми, являлся заместителем директора Ленинградского филиала ВИЭМ, был представлен к званию заслуженный деятель науки РСФСР⁴⁶. Однако, несмотря на это, его опять арестовали.

Последний арест О.О. Гартоха пришелся на конец мая — начало июня 1941 г. Согласно увольнительной записке, Гартох был уволен из Ленинградского филиала ВИЭМ 2 июня 1941 г. «как арестованный органами НКВД»⁴⁷ (рис. 4). О.О. Гартох погиб в Саратове в 1942 г. Место его захоронения неизвестно. В 1956 г. он был реабилитирован.

Оскар Оскарович Гартох имел многочисленных учеников, последователей и сотрудничающих коллег, о чем наглядно свидетельствует список его научных работ. В первом ряду его учеников стоит учитель авторов настоящей работы — академик АМН СССР Владимир Ильич Иоффе, много лет возглавлявший отдел микробиологии и иммунологии Института экспериментальной медицины⁴⁸. В свою очередь, его ученики явились следующим поколением продолжателей научной линии О.О. Гартоха, развивая актуальные направления в учении о возбудителях, патогенезе инфекционных заболеваний, экспериментальной и клинической иммунологии⁴⁹. Следует отметить также проводившиеся исследования по моделированию инфекционных процессов сальмонеллезной и стрептококковой природы, позволившие осветить некоторые стороны развития возбудителя и состояние естественного и специфического иммунитета на клеточном уровне⁵⁰.

После смерти В.И. Иоффе в 1981 г. отдел разделился на два самостоятельных подразделения: отдел иммунологии и лабораторию гене-

1.

В. И. Э. М.
ЧАСТЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА

Увольнительная записка № 300

Фамилия Гартоха

Имя Осман

Отчество Османович

Должность Заведующий

Отдел Иммунологии

Отделение _____

Принят 1/1 1942

Увольняется с 2/VI 41

По причине _____

кон ареста в связи с арестом Ж. С.

При расчете выдать за неиспользованный отпуск _____

коммиссе за 20 рабочих дней

и выходное пособие _____

Основание: _____

Приказ № 1052

Зав. Частью Личного Состава

И.И.И. _____ 1941 года

№ 300

2-я тип. ЛОиС, зак. 2038

Рис. 4. Увольнительная записка из личного дела
О.О. Гартоха в связи с его последним арестом в 1941 г.

тики микроорганизмов. Отдел иммунологии в 1991 г. возглавила член-корреспондент РАМН И.С. Фрейдлин, а лаборатория генетики микроорганизмов, объединившись с другими лабораториями, стала отделом молекулярной биологии, руководимым академиком РАМН А.А. Тото-

Рис. 5. Город Саратов.
Крест на месте захоронений жертв
политических репрессий

направление при патологии системы дыхания развивается Г.Б. Федосеевым⁵⁴.

Многое меняется: углубляются исследования, возникают новые направления, приходят новые поколения со своими целями и взглядами. Важно, что сохраняется преемственность в преданности Науке, неустанном поиске Истины, преклонении перед Фактами.

Жизнь и особенности личности Оскара Оскаровича Гартоха наводят на мысль, что Гартох был «выгодным» объектом преследования: тесная научная и личная связь с заграницей, работа с опасными возбудителями, контакты с ведущими учеными-микробиологами страны, авторитет у научной молодежи. Он подходил для политического заказа поиска «врага». Но мы задаем себе и читателям вопрос: были ли какие-нибудь аргументы у следователей? Этот вопрос можно задать в отношении С.И. Златогорова, Н.И. Вавилова и многих других. Знакомство с фактическими данными, имеющимися в нашем распоряжении, о жизни, научной и практической деятельности Оскара Оскаровича Гартоха приводит к признанию его честного служения Родине, Совет-

ляном. На базе этого отдела в 1984 г. создан Национальный центр по изучению стрептококков. В отделе иммунологии проводятся исследования по иммунорегуляции и механизмам врожденного иммунитета⁵¹.

Ученики В.И. Иоффе вне ИЭМ продолжали исследования, развивая обоснованные ранее направления. В.М. Шубиком получены и обобщены сведения по вопросам экологической регуляции иммунитета в условиях радиационного воздействия⁵². В работах А.А. Вихмана получили продолжение проводимые учеником Гартоха Б.Г. Аветикяном сравнительно-эволюционные исследования иммунитета⁵³. Клинико-иммунологическое

ской стране, что подтверждено и официальной реабилитацией. Уход из жизни таких людей нанес во много раз больше вреда, чем все действительно существовавшие диверсанты, вредители и антиобщественные элементы.

На Смоленском лютеранском кладбище Санкт-Петербурга находится могила родителей и жены Гартоха. Именно этот обелиск олицетворяет сейчас прошлое семьи Гартоха, которые были гражданами нашего великого города и сделали для него и страны все, что смогли. В Саратове воздвигнут символический крест на месте захоронения жертв политических репрессий (рис. 5). Где-то там покоятся останки О.О. Гартоха. Если на этом месте когда-нибудь соорудят обелиск, то на нем с полным правом можно будет написать: «Мир вашему праху! Люди, не забывайте уроки Истории!»

¹ *Hartoch O.* Beitrag zur Lehre vom Muxoedem an der Hand von 2 Fallen der Bonner medizinischen Klinik. Inaugural Dissertation. Bonn, 1905. (Защищена 4 августа 1905 г. в Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität в Бонне); Архив Института экспериментальной медицины РАМН, Санкт-Петербург. Личное дело О.О. Гартоха № 250. Начато 1.01.1912 г., окончено 2.06.1941 г.

² Ecole Internationale de Genève. History [Электрон. ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.ecolint.ch/ecolint/ch/en-ch/index.cfm?page=/ecolint/home/about/history>.

³ Архив Института экспериментальной медицины РАМН, Санкт-Петербург. Личное дело О.О. Гартоха № 250. Начато 1.01.1912 г., окончено 2.06.1941 г.; Matrikeledition der Universität Zürich [Электрон. ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: www.matrikel.unizh.ch/pages/798.htm; www.matrikel.unizh.ch/pages/867.htm.

⁴ *Hartoch O.* Beitrag zur Lehre vom Muxoedem an der Hand von 2 Fallen der Bonner medizinischen Klinik. Inaugural Dissertation. Bonn, 1905. (Защищена 4 августа 1905 г. в Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität в Бонне).

⁵ Архив Института экспериментальной медицины РАМН, Санкт-Петербург. Личное дело О. О. Гартоха № 250. Начато 1.01.1912 г., окончено 2.06.1941 г.

⁶ *Ефременко А.А.* Вступительная статья и комментарий // *Владимиров А.А.* Воспоминания микробиолога. М., 1991. С. 3–9; *Владимиров А.А.* Воспоминания микробиолога. М., 1991.

⁷ *Гартох О.О., Якимов В.Л.* К вопросу о связывании комплемента при экспериментальном трипаносомозе. // *Врачебная газета.* 1908. № 20.

⁸ *Иванов С.В.* Научный путь длиною в жизнь (о деятельности академика С.С. Гирголава). СПб., 2002.

⁹ *Friedberger E., Hartoch O.* Ueber das Verhalten des Komplements bei der aktiven und passiven Anaphylaxie // *Ztschr. f. Immunitätsforsch. u. exper. Therapie.* 1909. Bd. 3. H. 6.

¹⁰ *Friedberger E., Hartoch O.* Der Einfluss intraveosser Salzinjektionen auf die aktive und passive Anaphylaxie beim Merschweinchen // *Berl. klin. Wochenschr.* 1909. № 36.

¹¹ Архив Института экспериментальной медицины РАМН, Санкт-Петербург. Личное дело О.О. Гартоха № 250. Начато 1.01.1912 г., окончено 2.06.1941 г.; Kolle, Wilhelm. 4.1.049. Dozenten der Universität Bern 1528 bis 1984. Stadt- und Universitätsbibliothek Bern // http://ebesserv6.unibe.ch/DV/de/index_dv.htm; Hartoch, Oscar Heinrich. 4.4.081. Dozenten der Universität Bern 1528 bis 1984. Stadt- und Universitätsbibliothek Bern [Электрон. ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://ebesserv6.unibe.ch/DV/de/index_dv.htm.

¹² Die Experimentelle Bacteriologie und die Infektionskrankheiten mit besonderer Berücksichtigung der Immunitätslehre / von Kolle W., Hetsch H. Berlin; Wien, 1906.

¹³ Hartoch O., Sirenskij N. Ueber die Rolle des Komplementes bei der Anaphylaxie // Ztschr. f. Immunitätsforsch. u. exper. Therapie. 1911. Bd. 12. H. 1. S. 85–90 (из ИИЭМ); Hartoch O., Sirenskij N. Ueber die Beeinflussung der opsonischen Index durch subkutane Seruminjektionen // Ztschr. f. Immunitätsforsch. u. exper. Therapie. 1911. Bd. 8. H. 5–6. S. 602–610 (из Бернского университета).

¹⁴ Гартох О.О. О сывороточной анафилаксии // Первое совещание по бактериологии, эпидемиологии и проказе. С.-Петербург, 3–9 января 1911 г.: материалы совещ. 1912. С. 48–53; Гартох О.О. Фильтрующиеся вирусы // Медицинская микробиология / под ред. Л.А. Тарасевича. СПб.; Киев, 1913. Т. 2. С. 523–543.

¹⁵ О.О.Г., В.В.Г. и В.Н.М. Борьба с чахоткой: схемный проект лекции, составленный к 20-апреля 1912 г. членами Просветительского отделения С.-Петербургского об-ва борьбы с бугорчаткою. СПб., 1912. (Авторы: Оскар Оскарович Гартох, Валентин Владимирович Гориневский, Владимир Николаевич Матвеев.)

¹⁶ Назаров П.Г., Андришкевич Т.В. Личные контакты микробиологов и иммунологов в 20–30 гг. XX века (по автографам на репринтах из архива О.О. Гартоха) // Дни медицины и биологии в Петербурге. СПб., 1998. С. 115–135.

¹⁷ Hartoch O., Sirenskij N. Ueber die Rolle des Komplementes bei der Anaphylaxie // Ztschr. f. Immunitätsforsch. u. exper. Therapie. 1911. Bd. 12. H. 1. S. 85–90 (из ИИЭМ).

¹⁸ Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917 гг. Куйбышев, 1942; История медико-профилактического дела и медико-профилактических наук в Вооруженных силах России / под ред. П.И. Мельниченко. М., 2004. С. 15–65; Веселов Е.И., Крючков О.А. Красное Село и российская военная медицина // Очерки истории Красного Села и Дудергофа. СПб., 2007. С. 307–313; Караффа-Корбутт К.В. Борьба с инфекционными болезнями в действующей армии в условиях текущей кампании. Пг., 1916.

¹⁹ Гартох О.О. К вопросу о дезинсекции в воинских частях и ее значении в борьбе с возвратным тифом // Новое в медицине. 1915 (отдельный оттиск); Гартох О.О., Штернберг А.Я. К вопросу о мероприятиях в борьбе с острозаразными желудочнокишечными заболеваниями в воинских частях // Новое в медицине. 1916.

²⁰ Ильюхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). М., 2007.

²¹ Савельвольф Г.Б. Запись беседы 13 июля 1998 г. // Личный архив П.Г. Назарова.

²² Гинзбург С. 1924–1925 год в истории коллектива // Юбилейный сб. Военно-медицинской академии, посвященный 10-й годовщине Октябрьской революции. Л., 1927. С. 15–19; Гончаров П.П. Очерк истории Военно-медицинской академии в послеоктябрьский период. Л., 1968. С. 32–115.

²³ Ленин В.И. Собрание сочинений 5-е изд. Т. 39. С. 405–410.

²⁴ Олейников Г.П. Исторический очерк кафедры общего учения о заразных болезнях с бактериологией и клиникой остро-заразных болезней при Императорской Военно-медицинской академии. СПб., 1899; Минкевич И.Е. Очерк истории кафедры микробиологии Военно-медицинской академии: рукопись. Л., 1947.

²⁵ Первая в России кафедра инфекционных болезней (к 100-летию кафедры) / под ред. Ю.В. Лобзина. СПб., 1995.

²⁶ Козовенко М.Н. Неизвестные сведения о жизни и деятельности Семена Ивановича Златогорова (1873–1931). СПб., 2001.

²⁷ Российская военно-медицинская академия (1798–1998) / под ред. Ю.Л. Шевченко. СПб., 1998; Розенберг Н.К. Деятельность кафедры заразных болезней // Военно-медицинская академия. Научно-исследовательская деятельность. 1918–1928. М., 1929. С. 169.

²⁸ *Златогоров С.И.* О новом способе профилактики холеры введением вакцины *per os* // *Врачебное дело.* 1922. № 24–26. С. 682–689.

²⁹ *Назаров П.Г.* В.И. Иоффе в Институте экспериментальной медицины (1923–1979) / П.Г. Назаров, А.А. Вихман, Б.Н. Софронов, Ю.П. Голиков, А.А. Тотолян, Ю.М. Деревянко. СПб., 1998.

³⁰ Отчет о научно-исследовательской работе Всесоюзного института экспериментальной медицины им. А.М. Горького за 1933–1937 гг. М.; Л., 1939; Отчет о научно-исследовательской работе Всесоюзного института экспериментальной медицины им. А.М. Горького за 1938–1939 гг. М.; Л., 1940.

³¹ *Назаров П.Г.* В.И. Иоффе в Институте экспериментальной медицины (1923–1979) / П.Г. Назаров, А.А. Вихман, Б.Н. Софронов, Ю.П. Голиков, А.А. Тотолян, Ю.М. Деревянко. СПб., 1998.

³² Архив Института экспериментальной медицины РАМН, Санкт-Петербург. Личное дело О.О. Гартоха № 250. Начато 1.01.1912 г., окончено 2.06.1941 г.; *Грекова Т.И., Ланге К.А.* На пути к документальной истории Института экспериментальной медицины // Актуальные вопросы биологии и медицины. Фундаментальные и прикладные проблемы. Л., 1990. Вып. 2. С. 149–160.

³³ Архив Института экспериментальной медицины РАМН, Санкт-Петербург. Личное дело О.О. Гартоха № 250. Начато 1.01.1912 г., окончено 2.06.1941 г.; *Грекова Т.И., Ланге К.А.* На пути к документальной истории Института экспериментальной медицины // Актуальные вопросы биологии и медицины. Фундаментальные и прикладные проблемы. Л., 1990. Вып. 2. С. 149–160.

³⁴ *Вернадский В.И.* Дневники. 1935–1941. М., 2006. Кн. 2: 1939–1941 [Электрон. ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: www.srcs.msu.su/uni-persona/site/authors/vernadsky/1939.htm.

³⁵ *Носик Б.* Кто ты? — Майя // *Звезда.* 2001. № 4. С. 45–62.

³⁶ «Мы, Ваши друзья, совершенно беззащитны»: Пять безответных писем Романа Роллана // *Источник.* 1996. № 2. С. 122–129.

³⁷ Речь идет об Эльзе Гартох. Она жила с Гартохом в Ленинграде после смерти жены, с 1933 по 1937 гг. О.О. Гартох упоминает об этом в автобиографии 1940 г. (см.: Архив Института экспериментальной медицины РАМН, Санкт-Петербург. Личное дело О.О. Гартоха № 250. Начато 1.01.1912 г., окончено 2.06.1941 г.).

³⁸ Скорее всего, речь идет о приглашении на работу в Институт экспериментальной терапии во Франкфурте-на-Майне (Paul-Ehrlich-Institut für experimentelle Therapie — Georg Spreyer Haus). Его директором с 1917 г. был В. Колле, с которым у Гартоха были хорошие отношения с 1912–1913 гг. (см.: Архив Института экспериментальной медицины РАМН, Санкт-Петербург. Личное дело О.О. Гартоха № 250. Начато 1.01.1912 г., окончено 2.06.1941 г.; Kolle, Wilhelm. 4.1.049. Dozenten der Universität Bern 1528 bis 1984. Stadt- und Universitätsbibliothek Bern [Электрон. ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://ebesserv6.unibe.ch/DV/de/index_dv.htm; Hartoch, Oscar Heinrich. 4.4.081. Dozenten der Universität Bern 1528 bis 1984. Stadt- und Universitätsbibliothek Bern // http://ebesserv6.unibe.ch/DV/de/index_dv.htm).

³⁹ Описываемый Ролланом эпизод, похоже, имел место в Швейцарии, куда Гартох мог приехать навестить сестру в 1924–1925 гг. во время одного из выездов за рубеж (см.: Архив Института экспериментальной медицины РАМН, Санкт-Петербург. Личное дело О.О. Гартоха № 250. Начато 1.01.1912 г., окончено 2.06.1941 г.).

⁴⁰ Имеется в виду первый арест в 1930 г.

⁴¹ *Fisher D.J.* Romain Rolland and the Politics of Intellectual Engagement. Berkeley, 1988 [Электрон. ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft-538nb2x9/>.

⁴² Fisher D.J. Romain Rolland and the Politics of Intellectual Engagement. Berkeley, 1988 [Электрон. ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft-538nb2x9/>.

⁴³ Архив Института экспериментальной медицины РАМН, Санкт-Петербург. Личное дело О.О. Гартоха № 250. Начато 1.01.1912 г., окончено 2.06.1941 г.

⁴⁴ Константинов И.А. Судьба ученого 2004 [Электрон. ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.prokurov.rostov.ru/ar_3443760.

⁴⁵ Резолюция 280-го заседания Ленинградского микробиологического общества по докладу комиссии от 14 мая 1938 г. о результатах изучения научных работ и педагогической деятельности проф. О.О. Гартох (машинопись) // Материалы Музея истории Института экспериментальной медицины РАМН, г. Санкт-Петербург.

⁴⁶ Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Ленинградский филиал им. А.М. Горького. Архив 204 (774–6). Управление делами. Д. 01. Приказы по личному составу Ленфилиала ВИЭМ. 1941 г. № 1–50. Кн. 1. Начато: 6 января 1941 г. Окончено: 23 марта 1941 г. На 461 листах. Хранить постоянно по перечню № 31.

⁴⁷ Увольнительная записка № 300 от 11/VII 1941 г. Личное дело Гартоха (см.: Архив Института экспериментальной медицины РАМН, Санкт-Петербург. Личное дело О.О. Гартоха № 250. Начато 1.01.1912 г., окончено 2.06.1941 г.).

⁴⁸ Назаров П.Г. В.И. Иоффе в Институте экспериментальной медицины (1923–1979) / П.Г. Назаров, А.А. Вихман, Б.Н. Софронов, Ю.П. Голиков, А.А. Тотолян, Ю.М. Деревянко. СПб., 1998.

⁴⁹ Тотолян А.А. Патогенность стрептококков и ее молекулярные и генетические механизмы // Первый в России научно-исследовательский центр области биологии и медицины. Л., 1990. С. 306–318; Софронов Б.Н. Развитие иммунологических исследований // Там же. С. 294–305.

⁵⁰ Вихман А.А. Материалы к сравнительной характеристике биологического действия стрептококковых гемотоксинов: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Л., 1967; Vichman A.A., Karassik O.A. Effect of antilymphocytic sera on immunogenesis and experimental infection // *Biblioteca haematologica*. 1971. № 38. Pt. 1; Берман В.М., Славская Е.М., Смирнов Б.Н., Вихман А.А. Изучение фагоцитарной активности лейкоцитов и динамики антителообразующих клеток при сальмонеллезной инфекции в эксперименте // Материалы 2-й Всесоюз. конф. инфекционистов. Л., 1972. С. 22–24; Вихман А.А. Сравнительное изучение образования антител при экспериментальной сальмонеллезной инфекции и соответствующем вакцинальном процессе у мышей // Журн. микробиол. 1975. № 2; Генералова Л.П. Применение метода Эрне для определения клеток, вырабатывающих антитела к антигену туберкулезной палочки // Материалы научн. студ. конф. Л., 1970. С. 26; Фрейдлин И.С. Иммунная система и ее дефекты: руководство для врачей. СПб., 1998.

⁵¹ Фрейдлин И.С. Иммунная система и ее дефекты: руководство для врачей. СПб., 1998; Назаров П.Г. Реактанты острой фазы воспаления. СПб., 2001.

⁵² Шубик В.М. Иммуитет и здоровье после радиационных аварий и экологических катастроф. СПб., 2001.

⁵³ Вихман А.А. Системный анализ иммунофизиологической реактивности рыб в условиях аквакультуры. М., 1996; Сахаров Р.С., Вихман А.А., Генералова Л.П., Киселев А.Ю. Изоантиген АВ эритроцитов сибирского осетра *Acipenser baeri Brandt* // *Генетика*. 1997. Т. 33. № 3. С. 410–412.

⁵⁴ Иммунологические исследования в распознавании механизмов заболевания легких / под ред. Г.Б. Федосеева, И.В. Походзей. Л., 1978.